

И.А.Каргашин

РОЛЕВАЯ ЛИРИКА ПАВЛА ВАСИЛЬЕВА: ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ

Анализируется ролевая лирика Павла Васильева и намечается её типология: собственно ролевая лирика; неявно ролевая лирика; тексты, предполагающие неоднозначную интерпретацию: ролевые или «автоспсихологические»?

Ключевые слова: Павел Васильев, ролевая лирика, типология

Как известно, стихотворные тексты, выражающие чужое сознание (т.е. воссоздающие монолог не автора, но персонажа), называются ролевыми стихотворениями. Заметим, что данную терминологию и сегодня нельзя считать устоявшейся. Так, Л.Гинзбург говорила об «опосредованной лирике» (противопоставляя ей лирику «чистую»), Б.Корман, наряду с термином «ролевая лирика», использовал обозначение «драматическая лирика».

Как бы то ни было, речь идет о стихотворных текстах, воссоздающих самостоятельное (отличное от авторского) сознание субъекта. Однако именно здесь возникает ряд принципиальных вопросов, в комплексе и образующих «проблему автора». Прежде всего: как, на основании чего читатель определяет, чью именно точку зрения, чьи чувствования выражает данный монолог — автора или не автора (героя)? Какие факторы оказываются решающими для того, чтобы безоговорочно отнести стихотворение в разряд авторских либо «неавторских» (ролевых)? Должен ли читатель (литературовед) знать конкретные факты биографии поэта и/или творческую историю произведения для его адекватного прочтения — или же в любом случае достаточно лишь восприятия самого текста?

Подобные «наивные» вопросы не имеют однозначного ответа. Так, скажем, стихотворение А.Блока «Я — Гамлет. Холодеет кровь...» в отечественном литературоведении рассматривается с принципиально различных позиций. Например, Л.Я.Гинзбург интерпретировала данный текст как вариант лирического я поэта [1], а А.Песков приводит его в качестве образца собственно ролевой лирики [2].

Ясно, что вопрос о том, выражает текст данного стихотворения чувствования (сознание) автора или не автора, может решаться неоднозначно. Вместе с тем ролевая лирика в целом оказывается крайне неоднородным явлением. Показательно, в частности, что, с одной стороны, выделяются лирические стихотворения, которые определенно и безоговорочно являются ролевыми, не допускающими отождествления субъекта сознания с автором. С другой же стороны, можно назвать лирические стихотворные монологи, которые допускают, а может быть, и провоцируют сближение (вплоть до неразличения) двух сознаний. В данной статье и это «балансирование», и эта устойчивость отношений Автор — Герой демонстрируется на материале поэзии Павла Васильева.

В частности, в лирике П.Васильева намечается следующая типология:

1. *Собственно ролевая лирика.* В поэзии Васильева можно выделить корпус текстов, которые не вызывают сомнений с точки зрения их субъектного статуса. Подобных текстов в целом немного, и «механизм» отчуждения субъекта от авторского сознания здесь очевиден. А именно: стихотворный монолог включает в себя ряд средств, которые подчеркивают, задают «неавторский» характер лирического высказывания. Например, это цикл «Песни дальневосточных рыбаков», стихотворения «Песенка для кино», «Песни германских рабочих», «Воспоминания путейца».

Как видим, во всех подобных текстах Павла Васильева важнейшим способом «социального определения» субъекта лирического высказывания (а тем самым и выстраивания отношений Автор — Герой) выступает заглавие, которое прямо приписывает монолог тому или иному говорящему. Кроме того, субъектная природа подобных текстов, как правило, обусловлена и условиями, обстоятельствами их создания и дальнейшего функционирования. Так, цикл «Песни дальневосточных рыбаков» создавался в 1931—1932 годах, когда поэт по заданию газеты «Голос рыбака» много ездил по стране. Стихотворение с заглавием «Песенка для кино» было написано в 1934 году для кинофильма «У самого синего моря» (сценарий К.Минца, постановка Б.Барнета) как текст песни от лица героини, расставшейся с любимым — ушедшим в море рыбаком. Неслучайно, кстати, переключка этого стих. с известным стихотворением под заглавием «Песня» (1903) у Бунина. Заметим, к тому же, что оба текста (прямо в подтверждение известной концепции Тарановского — Гаспарова!) написаны пятистопным хореем и содержат мотив пути. Хотя нельзя не увидеть и принципиально различные разрешения этого пути. У Бунина — в соответствии с фольклорно-песенной традицией, у П.Васильева — по законам трудового оптимизма советского фильма. См. в бунинском стихотворении:

Буду ждать в погоду, в непогоду...
Не дождусь — с баштана разочтусь,
Выйду к морю, брошу перстень в воду
И косою черной удавлось. [3]

Ср. у П.Васильева:

Я тебя не позабуду скоро,
Ты меня забудешь, может быть...
Выйди в море — самая погода
Золотую рыбицу ловить. [4, с. 201]

Важно подчеркнуть, что подобного рода тексты остаются собственно ролевыми в любом контексте, в составе любых сборников и не могут быть квалифицированы как «чистая» (автопсихологическая) лирика, они неизменно сохраняют именно «чужой» — не авторский характер представленного монолога.

2. «Неявно ролевая» лирика. Интереснее, с точки зрения нашей проблемы, тексты, которые демонстрируют возможность сложных, неоднозначных взаимоотношений сознания автора и субъекта монолога. В поэзии Павла Васильева именно такой — имплицитно чужой — характер отличает тексты из цикла «Песни киргиз-казаков».

Несколько слов об истории появления этого цикла. В 1932 году в изд. ГИХЛ был опубликован сб. «Песни киргиз-казаков» (пер. П.Васильева, С.Маркова, Л.Мартынова, Н.Феоктистова). В этом коллективном сборнике цикл Васильева содержит 30 текстов и включает в себя 3 раздела: «Самокладки казахов семиге», «Павлодарские самокладки» и «Самокладки казахов Кызыл-Орды». «Самокладки» — короткие песенки, частушки — это название бытовало в среде прииртышского казачества. Необходимое пояснение к заглавию. В 1925 г. Киргизская республика была переименована в Казахскую Советскую социалистическую республику, киргизы стали называться «казак-киргизами». В силу этого, естественно, возникла путаница этнонимов «казак» и «казах». Поэтому в феврале 1936 года последовало постановление ЦИК и СНК Казахской ССР «О русском произношении и письменном обозначении слова «казак». В постановлении отмечалось, что отныне последняя буква «к» заменяется буквой «х». Соответственно теперь писать и говорить следовало «казах» и «Казахстан» [5].

Очень важно отметить, что в данном цикле собственно переводами являются только «Рыжая голова» и «Поднявшееся солнце» (2 из 30!), которые также существенно обработаны. Сохранилась помета автора на автографе стихотворения: «Записано в ауле Джайтак Павлодарского округа со слов певца Амре Кишкинале» [6]. См. прим. Н.И. Кузнецовой: «Большой цикл стихотворений, который вошел в коллективный сборник «Песни киргиз-казаков: Переводы казахских народных песен» (М., 1932), фактически являются оригинальными произведениями, темы некоторых из них были записаны П.Васильевым в казахских аулах...» [4, с. 531]

Таким образом, в данном случае сам поэт формирует изначально амбивалентную субъектную природу лирического стихотворения. Если считать стихотворения цикла лишь переводами Васильева, то перед нами стилизация подлинно народной, но не собственно ролевой поэзии, так как в этом случае нет воссоздания чужого сознания. Однако фактически перед нами стихи именно Павла Васильева, написанные от лица разных субъектов, то есть воплощающие сознание другого (многих других). В этом случае цикл «Песни киргиз-казаков» составляют ролевые стихотворения П.Васильева.

Стоит подчеркнуть, что наше обозначение этих текстов — «неявная ролевая лирика», «имплицитно ролевые тексты» — скорее подчеркивает «механизм формирования» цикла, но не собственно их субъектную природу. В любом случае — будь это стилизация народной песни или ролевые тексты П.Васильева — «песни киргиз-казаков» не способны восприниматься как «чистая лирика» поэта. И обусловлено это, прежде всего, не условиями возникновения и функционирования текстов, а особенностями их поэтики. Здесь проявляется закономерность, отмеченная в свое время Б.Корманом: «Субъект сознания тем ближе к автору, чем в большей степени он растворен в тексте и незаметен в нем. По мере того, как субъект сознания... становится определенной личностью со своим особым складом речи, характером, биографией, тем в меньшей степени он непосредственно выражает авторскую позицию» [7]. Действительно, тексты этого цикла различны и по объему (от нескольких строчек до протяженного стихотворения или даже небольшой поэмы), и по жанровым признакам (собственно «песенка», афоризм, стихотворный рассказ), и по метрико-ритмическим особенностям, но в каждом из них субъекты высказывания проявлены именно как определенная личность — «со своим особым складом речи, характером, биографией». Чаще всего это монологи от имени социально определенного я (джигит, бедняк, красноармеец и т.п.), иногда — от столь же определенного мы (обычно мы — строители нового мира). Разумеется, ярко проявленная самобытность (если не сказать — экзотичность) изображенного сознания (в словаре, поведении, упоминаниях тех или иных реалий, в менталитете в целом) препятствует какому бы то ни было отождествлению его с сознанием автора. См. из раздела «Самокладки казахов семиге»:

Милиционер

Если уж такой он нарядный,
Значит, ответственный.
Если оружие на ремне носит,
Значит, вдвойне ответственный.
Если человека арестовать может,

Значит, Советская власть
Ему доверяет.
Если так возвысился,
Значит, человек умный.
Пусть идет свататься —
Отдам дочку. [4, с. 103-104]

3. *Ролевая и/или автопсихологическая?* Наконец, еще сложнее и, можно сказать, запутаннее обстоит дело с другим циклом Павла Васильева, который в рукописи поэт обозначил как «Стихи Мухана Башметова». Показательна сама история публикации этого цикла. Дочь поэта Н.П.Васильева говорит в связи с циклом «Стихи Мухана Башметова» о триптихе, три стихотворения под этим именем опубликованы и в издании 1988 года [8]. В первом издании после реабилитации поэта («Избранные стихотворения и поэмы, М., 1957) цикл вообще не выделялся, но в примечаниях к стихотворению «Расставанье» комментатор П.Вячеславов отмечал, что «стихотворение подписано псевдонимом Мухан Башметов, под которым поэт предполагал написать цикл стихотворений о Казахстане, но не осуществил своего намерения» [9]. В издании 1976 года цикл, обозначенный как «Стихи Мухана Башметова», включает 3 стихотворения — «Гаданье», «Расставанье» и «Я, Мухан Башметов, выпиваю чашку кумыса...» [10]. В издании 2002 года составитель (С.Куняев) публикует раздел «Из цикла Стихи Мухана Башметова», в который включены восемь текстов, в комментариях при этом отмечается: «Из этого цикла при жизни поэта было опубликовано два стихотворения. В него он включил еще два стихотворения из сборника «Песни киргиз-казаков». В настоящей книге в пределах цикла оставлены лишь стихотворения, не входившие более ни в какие рукописные сборники» [6, с. 852].

Каковы же причины появления этого цикла, что лежит у истоков создания фигуры Мухана Башметова? Версий здесь несколько. Н. Кузнецова в примечаниях к изданию в сер. «Новая библиотека поэта» отмечает: «Дискриминация общественной репутации П.Васильева привела к тому, что возможность появления его стихов в печати оказалась чрезвычайно ограниченной, причем как раз в период необычайно напряженного и плодотворного творческого подъема, поэтому он вынужден был публиковать свои стихи под вымышленным именем Мухана Башметова» [4, с. 531].

Ср. точку зрения дочери поэта Натальи Васильевой из вступительной статьи к тому же изданию: «Всего богатейшего васильевского арсенала не хватило, чтобы воспеть эту несравненную красоту, и он призывает на помощь любезную его сердцу Азию:

Как тень купальщицы — длина твоя.
Как пастуший аркан — длина твоя...

Павел Васильев вводит себя в текст в образе казаха Мухана Башметова и подписывается под стихами этим же именем. Так появляется мифический автор, стихи которого, якобы, перевел на русский язык Павел Васильев» [4, с. 32]. А вот бывшая жена поэта Елена Вялова-Васильева вспоминала: «Помню, как во время декады казахской литературы и искусства в Москве к Гронскому (Новый мир — И.К.) пришли писатели из Казахстана. «Послушайте, Иван Михайлович, какого такого Мухана Башметова вы печатаете? /.../ Стихи, конечно, хороши. Но такого поэта у нас нет». Иван Михайлович покосился на сидевшего тут же Павла: «Это его надо спросить. Он переводчик». И только когда Павлу уже некуда стало деться, он признался: «Это я всё написал. Хотел как Козьма Прутков. Чтобы был целый цикл о Казахстане под этим именем» [4, с. 544].

Пока очевидно только, что перед нами авторский несобранный цикл (строящийся именно как цикл, но не полностью осуществленный и, самое главное, впоследствии «разбивавшийся» по другим изданиям и публикациям). В результате неопределенным (не всегда однозначно квалифицируемым) оказывается субъектный статус входящих в цикл стихотворений. Разумеется, основной корпус составляют тексты, являющиеся собственно ролевыми. В контексте поэзии Павла Васильева такие тексты не могут быть прочитаны и интерпретированы как его автопсихологические произведения — слишком очевидна здесь самостоятельность личности говорящего. Например, это с первых строк обозначено уже указанием имени самого «сочинителя»:

Я, Мухан Башметов, выпиваю чашку кумыса
И утверждаю, что тебя совсем не было.
Целый день шустрая в траве резвилась коса —
И высокой травы как будто не было.

Я, Мухан Башметов, выпиваю чашку кумыса
И утверждаю, что ты совсем безобразна,
А если и были красивыми твои рыжие волоса,
То они острижены тобой совсем безобразно. [4, с. 186]

Знаками отчуждения изображенного монолога от авторского сознания выступают и стилизуемые поэтом метрико-ритмические особенности текста, в данном случае — направленные на стилизацию приемов

тюркоязычной поэзии. Отчуждение подчеркивается и обращением к адресату лирического высказывания, когда обращение манифестирует «национальную» (здесь «казахскую») принадлежность говорящего:

Ты уходила, русская! Неверно!
Ты навсегда уходишь? Навсегда!.. [4, с. 183]

Или, например, оттеняется колоритным и опять-таки сугубо национальным — «восточным» сравнением (*Как пастиший аркан — длина твоя...*) Разумеется, не редкость и сочетание, например, в пределах строфы, всех подобных приемов. Ср. в стихотворении «Воспоминание о русской» (обратим внимание на заголовок!):

Оттого ль средь гульбищ сабантуя
Я один от кумыса не пьян.
Я с разлукой спорю, я ревную,
Я ношу занозу золотую
В самом сердце горестном, Мухан. [6, с. 523]

Однако все дело в том, что другие тексты, включенные в цикл «Стихи Мухана Башметова», вовсе не содержат «авторских сигналов», указывающих на *ролевой* характер воссоздаваемого сознания! Не случайно некоторые из них вполне «безболезненно» включались самим поэтом в рукописные «авторские» сборники — т. е. именно в качестве лирики Павла Васильева (например, стихотворения «Гаданье», «Обращение»). Более того: удивительно, но в рукописном составе цикла «Стихи Мухана Башметова» Павел Васильев помещал и стихотворения, приписанные другому — еще одному «персонажному» автору; см. начало стих. «Пыль»:

Я, Амре Айтаков, весел был,
Шел с верблюдом я в Караганды.
Шел верблюдом я в Караганды,
Повстречался ветер мне в степи... [6, с. 519]

В итоге действительно непроясненным оказывается субъектный характер представленных в цикле монологов. По-видимому, этим и объясняется неоднозначные, а подчас и противоречивые «версии» возникновения этого цикла. Попытки объяснения феномена «стихи Мухана» в свою очередь оказываются противоречивыми, поскольку «Мухан Башметов» как собственно псевдоним должен бы свидетельствовать об автопсихологическом строе стихотворений, а, скажем, упоминавшийся образ Козьмы Пруткова скорее говорит о принципиально ролевом характере предпринятой поэтом мистификации. Показательно, что в последнем на сегодня издании поэзии Павла Васильева [4] цикл «Стихи Мухана Башметова» не выделен вовсе, стихотворения из него включены в общий состав лирики Павла Васильева. Вопрос о цикле Павла Васильева остается открытым...

1. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. С. 263.
2. Песков А.М. Лирика // Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 183.
3. Бунин И.А. Песня // Бунин И.А. Собр. соч.: В 9 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1965. С. 174.
4. Васильев П.Н. Стихотворения и поэмы. СПб.: ДНК, 2007. 568 с.
5. История Казахстана: Хрестоматия / Сост. И.М.Козыбаев. Алматы: Атамұра, 1994. 254 с.
6. Васильев П.Н. Сочинения. Письма. М.: Эллис Лак, 2002. С. 865.
7. Корман Б.О. Избранные труды. Теория литературы. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2006. С. 317.
8. Васильев П.Н. Избранное. М.: Художественная литература, 1988. 414 с.
9. Васильев П.Н. Избранные стихотворения и поэмы. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. С. 477.
10. Васильев П.Н. Стихотворения и поэмы. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1976. 216 с.

References

1. Ginzburg L.Ya. O lirike [On lyrics]. Moscow, 1997, p. 263.
2. Peskov A.M. Lirika [Literary Encyclopedic Dictionary]. Literaturny ehntsiklopedicheskiy slovar'. Moscow, 1987, p. 183.
3. Bunin I.A. Pesnya [The song]. Bunin I.A. Works in 9 vols, vol. 1. Moscow, 1965, p. 174.
4. Vasil'ev P.N. Stikhotvoreniya i poehmy [Verses and poems]. Saint Petersburg, 2007. 568 p.
5. Kozybaev I.M., comp. Istoriya Kazakhstana: Khrestomatiya [History of Kazakhstan: anthology]. Almaty, 1994. 254 p.
6. Vasil'ev P.N. Sochineniya. Pis'ma [Writings. Correspondence]. Moscow, 2002, p. 865.
7. Korman B.O. Izbrannye trudy. Teoriya literatury [Theory of Literature.]. Izhevsk, 2006, p. 317.
8. Vasil'ev P.N. Izbrannoe [Selected works]. Moscow, 1988. 414 p.
9. Vasil'ev P.N. Izbrannye stikhotvoreniya i poehmy [Selected verses and poems]. Moscow, 1957, p. 477.
10. Vasil'ev P.N. Stikhotvoreniya i poehmy [Verses and poems]. Ufa, 1976. 216 p.

Kargashin I.A. Pavel Vasiliev's persona poems: problems of typology. The article analyzes the persona poems by Pavel Vasiliev and outlines the typology of: persona poems per se; "implicit" persona poem; texts suggesting ambiguous interpretation: persona poems or lyric poems?

Keywords: Pavel Vasiliev, persona poems, typology.

Сведения об авторе. И.А.Каргашин — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы, Калужский государственный университет им. К.Э.Циолковского, iakargashin@gmail.com.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.10.2018.